

Борис Колоницкий

Yuri Slezkine. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 1104 pp. ISBN 978-1-4008-8817-7.

Борис Колоницкий – профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН. Адрес для переписки: ЕУСПб, ул. Гагаринская, 6/1, литер А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. boris_i_kol@mail.ru.

У рецензируемой книги, посвященной знаменитому Дому правительства (известному также как «Дом на набережной»), есть ощутимый недостаток: она очень велика. Тысяча с лишним страниц – это немало, даже если учесть, что много места уделено иллюстрациям. Боюсь, что размер издания может отпугнуть часть той аудитории, на которую рассчитывал автор. Объем книги создает серьезные проблемы и для рецензентов: редакции позволяют им увеличить количество слов в их рецензиях.

И все же сократить рецензируемый текст было бы сложно: для этого пришлось бы выкинуть яркие факты, убрать сочные пространственные цитаты. Между тем многие интересные источники вводятся в научный оборот впервые: так, автор использовал материалы, выявленные им на протяжении многих лет работы в 18 архивах, в том числе в архиве музея «Дома на набережной»¹. Юрий Слезкин взял также несколько десятков интервью у героев своего повествования (он начал собирать их еще в 1997 году).

Можно было бы убрать некоторые сюжетные линии, упростив композицию книги, но это разрушило бы архитектуру текста и уменьшило значение всей работы. В книге несколько переплетающихся историй. Прежде всего это история здания. Дом правительства (Дом ЦИК и СНК СССР, далее – Дом) начал заселяться в 1931 году, став самым крупным для своего времени зданием в Европе. Оно имело 507 квартир, в 1935 году в нем жило 2655 человек.

Свое повествование, однако, Слезкин начинает с более раннего времени, рассказывая о местах обитания новой революционной власти и ее представителей. Эта сюжетная линия книги позволяет судить об инфраструктуре власти, о символике локализации политической власти, повседневной жизни властвующих в революционное и постреволюционное время. Яркие описания быта обитателей 18 московских «Домов Советов», в которые были превращены помещения фешенебельных гостиниц и других зданий, представляют самостоятельный интерес. Запоминаются, например, политико-бытовые конфликты: в 1927 году сторонники оппозиции используют балкон своего жилища для политической демонстрации, а с соседнего балкона сторонники «генеральной линии» закидывают их поленьями и картошкой.

¹ К сожалению, автор часто дает так называемые глухие сноски на архивное дело, читатель может лишь догадываться о том, какой вид источника цитируется.

После переезда правительства в 1918-м году из Петрограда в Москву высшие представители власти жили в Кремле. Для аппаратчиков же высокого уровня (народные комиссары и командармы, чекисты высокого ранга и руководители литературного фронта), обитавших в «Домах Советов», в середине 1920-х было решено построить специальное здание. Проект курировал тогдашний председатель Совета народных комиссаров Алексей Рыков, который в качестве архитектора выбрал Бориса Иофана. Сам Рыков тоже какое-то время жил в Доме: когда над ним уже стали сгущаться тучи, его семья переехала из Кремля в квартиру Дома, которую занимал ранее член ЦК Карл Радек, к тому времени уже арестованный. Позже, уже после ареста члена Политбюро Николая Бухарина, туда была переселена и его семья. Вскоре же и Рыковых, и Бухариных выселили из Дома...

Строительство Дома, начатое в 1927 году, отражало многие черты других строек социализма. Строители жили в бараках, крыши которых протекали, рабочие трудились в две, а то и в три смены, но сроки завершения строительства не выполнялись, а первоначальный бюджет был превышен в десять раз. От возведения другого Дома правительства вынуждены были отказаться ввиду очевидной дороговизны проекта.

Дом замышлялся как жилище «переходного периода»: в отличие от радикальных утопических проектов архитектуры той эпохи он не предусматривал полного обобществления быта жильцов. Однако создавались условия для коллективного проведения досуга: в здании находились большая столовая, клуб, помещения для всевозможных кружков и спортивных секций, в том числе залы для игры в теннис и баскетбол, стрелковый тир.

Не следует полагать, что все жильцы Дома имели отдельное жилье: например, некоторые рабочие, строившие дом, получили в нем комнаты и делили квартиру с товарищами по работе. Семьи же номенклатуры (60% жильцов Дома) и персональных пенсионеров (10%), а также некоторые их родственники, не входившие в названные категории, но получившие квартиры в Доме², жили в прекрасных для советского времени условиях. При этом размер квартиры (от 1 до 6 комнат, одна квартира в доме имела 7 комнат), этаж и подъезд должны были соответствовать рангу обитателей. Правда, для некоторых представителей номенклатуры переезд в Дом вовсе не означал улучшения «жилищных условий»: руководители крупнейших строек, секретари областных комитетов партии и провинциальных управлений специальных служб до перевода в Москву жили в фешенебельных особняках, которые обслуживались штатом прислуги.

Книга, однако, посвящена прежде всего не Дому, а его жильцам – представителям высшего эшелона советской номенклатуры и их детям. Нельзя не сказать и о том, что это очень «московская» книга, ее автор чувствует изнутри этот город, знает многих его обитателей, в том числе родственников и знакомых героев книги. В повествовании о жильцах Дома большая политическая история столицы переплетается с московскими семейными историями, которые, как правило, не были счастливыми. Большая часть квартиросъемщиков вынужденно покинули здание

² Так, свои квартиры в Доме имели первая, вторая и четвертая жены Валериана Куйбышева.

во время Большого террора, многие были казнены. В жилища вселялись представители нового эшелона элиты, выдвигавшиеся во время репрессий, многие из них вскоре тоже были арестованы. Всего было расстреляно не менее 344 жильцов Дома. Порой члены семей репрессированных продолжали жить в Доме, их переселяли в непрестижные квартиры, которые они должны были делить с другими жильцами. В мае 1938 года в 68 квартирах жили семьи арестованных, а 142 комнаты были опечатаны НКВД. Аресту подвергались не только высокопоставленные жильцы наркомовских квартир, но и люди, обслуживающие огромное хозяйство Дома.

История Дома позволяет автору по-своему взглянуть на историю первой половины XX века, ибо многие его обитатели оказывали на нее немалое влияние и становились ее же жертвами. При этом исследователя интересуют не только действия большевистской элиты, но и те мотивы, которыми руководствовались ее представители. Важная линия книги Слезкина – реконструкция сознания советской элиты и его интерпретация. Автор сравнивает революционеров-большевиков с различными милленаристскими сектами разных эпох, которые напряженно ожидали наступления сакрального времени и старались приблизить его. Слезкин – не первый автор, указывающий на религиозную подоснову большевизма, достаточно вспомнить известную книгу Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (1955). Но если большинство авторов указывали на национальные корни большевизма, противопоставляя их иным культурам, «экзотизируя» советский период и подчеркивая его исключительность, то Слезкин помещает русский революционный эксперимент в глобальный контекст, сопоставляя его с иными религиями. Эта книга о сектантах, превращающихся в касту правящих жрецов, об обращениях в веру и покаяниях, о пророках и пророчествах, которые сравниваются с иными пророчествами и пророками, покаяниями и обращениями. Эта книга о сакрализации и «переносе сакральности», о вере и верующих, воспринимавших себя участниками последней «священной» битвы, готовых к решительному подавлению врагов сакрального будущего. Автор сравнивает большевиков с другими сектами, члены которых готовили себя и свои семьи к Армагеддону, напряженно следили друг за другом и вели «охоту на ведьм», выискивая внутренних врагов и очищая свои ряды.

Террор, сопровождавший революцию и коллективизацию, и Большой террор Слезкин, в отличие от многих авторов, не объясняет исключительно национальной русской спецификой. Так, признания и «признания» на московских процессах он сравнивает с эпидемией обличений и покаяний, спровоцированных ретивыми расследованиями американских прокуроров и психоаналитиков, доводивших арестованных, обвиняемых в сексуальном насилии над детьми, до самооговоров.

Для понимания особенного сознания людей эпохи революции и террора Слезкин широко использует источники личного происхождения, в том числе письма, дневники и воспоминания обитателей Дома. Большое место в книге занимает также цитирование и анализ художественных произведений и публицистики той поры, это – книга о создателях текстов и об их усердных читателях. Среди главных героев книги – писатели и чиновники, влиявшие на советский литературный про-

цесс, нередко это были одни и те же люди. Автор обильно реконструирует круг чтения своих героев и цитирует тексты обитателей Дома – Александра Аросева, Александра Воронского, Ивана Гронского, Михаила Кольцова, Александра Серафимовича.

Дом правительства был возведен на Болотном острове, отделенном от центра Москвы рекой. Образы Болота и болот, топей и трясин весьма важны для автора: вслед за своими героями он вспоминает Петра Первого, «революционера на троне», воздвигнувшего новую столицу на топких берегах Невы. Слезкин пишет и о неустойчивом политическом «болоте», колеблющихся обитателей которого обличали «твердые» большевики разных поколений, и о трясине быта, засасывавшей революционеров, превращающей их в «обывателей» и «мещан». Страхи перед разного рода «болотами» влияли на важные политические решения 1920-х и 1930-х годов. Автор не мог не думать и о протестных митингах на Болотной площади в 2011–2012 годах и порождаемых ими надеждах и страхах, хотя эта тема не нашла отражения в книге.

Обдумывая этот исследовательский проект, Слезкин вспоминал тексты писателя Юрия Трифонова, который провел детство в Доме правительства – пока его родители не были арестованы. Трифонову, осмыслявшему историю XX века и память об этой истории, посвящена заключительная глава книги. Прежде всего, это анализ повести «Дом на набережной» (1976). Слезкин цитирует также и другие книги Трифонова – повесть «Отблеск костра» (1966) и роман «Старик» (1978), в которых нашла отражение история его семьи. Судьба свела отца, дядю и других родственников писателя с казаком Филиппом Мироновым, знаменитым красным командиром, успешно боровшимся с белыми и обличавшим в то же время большевистское руководство. Миронов был убит чекистами в начале 1921 года, после окончания большой Гражданской войны. О Трифоновых и Миронове пишет и автор рецензируемой книги (тексты Миронова, его сторонников и противников дают немало примеров соединения политического и религиозного сознания). Немало страниц книги Слезкина являются комментариями к различным текстам Трифонова, а идеи писателя служат ключами, позволяющими лучше понять исследование историка.

Автор упоминает и другую книгу Юрия Трифонова, роман «Нетерпение» (1973), главный его герой – лидер «Народной воли» и террорист Андрей Желябов (биографию Желябова написал в свое время и обитатель Дома Воронский, один из главных героев Слезкина). Трифонов объяснял скатывание революционеров в террор политической эмоцией их нетерпением: осязаемое наступление буржуазных отношений в России подталкивает убежденных социалистов, для которых социализм был суррогатом религиозных верований, к немедленным решительным и жестоким действиям, ускоряющим исторический процесс. Политическая культура революционного подполья, созданная во многом усилиями поколения народо-вольцев, оказывала влияние на героев книги Слезкина.

Секта большевизма – в отличие от сект, превратившихся в мировые религии, – просуществовала всего одно поколение, несмотря на то, что политическая партия продолжала существовать. Дети не продолжили дело родителей, хотя даже

после арестов членов своих семей многие из них продолжали оставаться убежденными советскими патриотами. Разные авторы могут предложить этому разные объяснения. Слезкин предлагает свои, парадоксальные: советская тоталитарная культура была недостаточно тоталитарной. Семья хотя и признавалась «ячейкой» советского общества, но общественный контроль над людьми осуществлялся преимущественно по месту работы или учебы, а какие-то большие радикальные проекты реорганизации семейной жизни, сопоставимые с деятельностью иных миллениаристских сект, коммунисты не демонстрировали.

Автор пишет и о противоречии между целями и средствами семейного воспитания обитателей Дома. Родители желали, чтобы дети продолжили их дело, а дети хотели быть их достойными наследниками, но механизм культурного воспроизводства у разных поколений обитателей Дома был принципиально другим. Для «отцов» (культура большевистской элиты была преимущественно мужской) важным было тщательное и углубленное изучение марксизма, самостоятельное постижение сакральных текстов «научного социализма». В круг чтения «детей» марксизм входил лишь через советские адаптирующие пособия, пропагандистские издания и учебники, воспитывались же они на каноне российской и мировой классической литературы, изучая и переживая произведения Пушкина и Толстого, Сервантеса и Гете. В Доме порой решались судьбы советских писателей и их произведений, но младшее поколение его обитателей удивительно мало интересовалось современной литературой СССР, творцами которой были их соседи по подъезду. Думается, что этот важный тезис книги можно было бы развить, распространив на всю систему воспитания в СССР: важным противоречием советского общества был разрыв между ценностями образования и той действительностью, с которой сталкивались хорошие выпускники образцовых советских школ даже в том случае, если они искренне хотели быть советскими людьми. Классовый подход оказался в тени классической литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Николай. 1955. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж: YMCA-Press.
Трифонов, Юрий. 1966. *Отблеск костра. Документальный очерк*. М.: Советский писатель.
Трифонов, Юрий. 1973. *Нетерпение*. М.: Политиздат
Трифонов, Юрий. 1976. «Дом на набережной». *Дружба народов* 1:83–167.
Трифонов, Юрий. 1978. «Старик». *Дружба народов* 3:27–153.